

М. Грашина (Велегра). О календарях

Велесов день, Имболк

...Праздник пробуждения ветра. Ветер – главное действующее лицо этого дня, он – во всем, ему протапливается в нарастающем еще снегу огненная тропа. Ветер, что должен проснуться и отправиться в дальний путь, чтобы привести из запредельных далей новую Весну... В нем – все, что есть и все, что будет, все, что пока дрожит в морозном воздухе еле различимым запахом открывающейся ДОРОГИ... Боги уже в пути, мы слышим шаги легких ног, ступящих по невидимым граням Миров...

Пи-хо!

Слышишь ли ты – ветер и дождь, и смерть танцует с нами?

Мы в потоке, и да будет поток, ибо так должно.

Я была не права, не прав и ты – горя нет, нет боли, страха и ответственности, нет и нас, только ветер и поток, слезы смыло дождем – пусть он теперь плачет за меня. Не нужно больше останавливать время и удерживать момент – отпустив его, я обретаю его навсегда...

Мы больше, чем мы есть, и нас больше, чем нам кажется – мир уже на грани, время пришло – нам не нужно будет строить город на острове – нам не нужно будет строить НИЧЕГО – нам не НУЖНО будет – мы просто есть, и с этим уже ничего не поделаешь...

Легко ли – влиться вновь в кипящий водоворот жизни – и остаться безучастным?..

Люди живут в мире, чтобы приносить друг другу радость. Мир живет в людях, чтобы изменяться вместе с ними. Мир не может повредить нам, как мы не можем повредить ему – и друг другу.

Мы еще будем звездами, но потом, как-нибудь потом – пусть побудет с нами эта еще одна последняя весна.

Да будет поток, и путь без предела, и танец со смертью, ветер и дождь – одно влечет за собой другое – с нами СИЛА и вечность. Мы сделаем то, что должны, и может быть, нам удастся не исчезнуть, но, наверное, это будет уже неважно...

Светел ли твой Путь?

С нами Боги...

Масленица, Весеннее равноденствие

...Весна, вступающая в свои права. Все стихии, все начала мира будто бы собраны в один клубок и напряженно ожидают взрыва бьющей ключом жизни. Прошлое, весь груз накопленных решений и пройденных путей, переплавляется потихоньку, легко трансформируясь в неясные очертания пока еще зыбкого будущего. Земля, дрожащая в предвкушении пробуждения жизни, воссоединяется с водой, протаривающей новые пути в таящем снегу, а огненный свет солнечных лучей взвивает потоки душистого, пряного, дурного весеннего ветра... Помолодевшие, полные дерзкой шальной силы, готовятся к первому весеннему пиру вернувшиеся боги...

....Она продолжала терять вещи. Хотя вернее было бы сказать, что вещи словно бы теряли ее. Было очень забавно наблюдать, как они внезапно утрачивали связь с ее присутствием – так, словно бы ее внимание, которое придавало им определенное положение в пространстве и функциональную принадлежность, внезапно утрачивалось, и вещи оставались сами по себе, совершенно не представляя, что делать с вновь обретенной свободой. В первый раз за всю жизнь она задумалась о том, что же на самом деле значит – вещь в себе, и по мере того, как ее рассеянный внутренний взгляд – назвать его антивзглядом, тем, что остается, когда исчезает взгляд? попеременно как будто со стороны устремлялся на ту или иную вещь, она обретала свою новую сущность и как бы исчезала из ее реальности событий.

Поначалу это вызывало некоторые неудобства, но, впрочем, этот момент ей тоже уже было трудно вспомнить. Вместе с вещами уходили их названия, вернее, понятия о них, и появлялись другие, доселе неведомые; а может быть, те же самые понятия, внезапно перемешавшись, обретали новый, какой-то синтезированный смысл.

Мир вокруг нее расширился и удлинился, и вместе с ним удлинилось время, вернее оно просто стало нелинейным, приобретя утраченную когда-то давно способность самостоятельно выбирать последовательность чередования определенных своих отрезков. Она не мешала времени – ей было интересно наблюдать за миром, внезапно зажившим своей жизнью; да и к тому же ощущения времени, вкуса, солнца слились в одно – почти что непередаваемое на уровне понятий – или ей просто было лень пытаться что-то определить? Формы окружающих предметов, включая и уже непонятную категорию людей, стали расплывчато-смазанными, и между заполненными материальной субстанцией частями пространства стало очень просто проходить, как между декорациями, расставленными на огромной облитой солнечным светом деревянной площадке.

Потом куда-то пропало ощущение эмоциональных переживаний – в памяти цветными обрывками еще кружились смешные слова – тоска, боль, отчаяние, но смысл куда-то ускользал по мере того, как лоскутки слов растворялись в стремительном и в то же время неподвижном потоке, название которому она не знала, но чувствовала, что он включает в себя все то, чем она когда-нибудь была. Впрочем, понятие «была» тоже потеряло ясность; вслед за освободившимся потоком внешнего времени ее собственное, внутренне время тоже ощутимо перестраивалось, каждый момент, обретая власть над собственной судьбой, не исчезал и не сменялся другим по извечно заведенному кем-то, но нелепому порядку, а просто оставался существовать наравне с остальными.

Потом мир стал потихоньку пропадать, растворяясь в неотвратимо наползающих потоках то света, то темноты – их смена происходила, не затрагивая смены дня и ночи, вернее, день с ночью словно бы обменялись своими качествами или, соединив их, игрались теперь, переплетая части друг друга, как широкие шелковые ленты.

Потом не осталось ничего, кроме сна и обрывков ярких воспоминаний – вот оно, самое упорное, не желающее становится самим собой и оставлять ее, как все остальные, в нем присутствует много слов, уже утративших свой смысл, но живущих внутри этого

момента; девочка – или девушка? замершая на границе большой площади – по ощущению залитого солнцем расплавленного мира ясно, что площадь существует сама по себе, также как и мост за ней, фигуры и формы, движущиеся в разные стороны – понятно, что это движение - иллюзия, и форм этих также не существует в данный момент, а за всем этим, вернее сквозь это просвечивают вершины гор, пыльный серо-бежевый цвет должен был бы быть основным, именно такого цвета камни под ногами, но пространство придает хотя бы немного удаленным объектам свои, невероятные оттенки, синий, багрово-золотой и лиловый, оттенков таких цветов не бывает в природе, и очевидно, что все остальное – декорация, что нет ни асфальта, ни домов вокруг площади, ни движущихся фигур, ни девочки, потому что ее глаза просто не способны пропустить и осознать такое количество оттенков цветового спектра...

Потом остался только сон, покой и растворение, золото и зелень, внезапно оттаивающие мягким ощущением свежее-зеленой травы маленького плато, обрывающегося в прозрачность утренней реки – голову поворачивать не хочется, хотя понятно, что за спиной – золотые сосны и дальше разреженный молодой подлесок, и вместе с названиями вещей снова приходит ощущение звуков, холодноватое, как привкус мяты или еще не стряхнувшая утренний туман поверхность воды, ну да, конечно, зеленое, голубое и золотое, как просто, а еще запах земли, и чуть пыльный привкус на губах, и какие-то звуки – шелест, да именно так это и называется, а над обрывом, в безопасном однако расслабленном отдалении стоит Человек – именно так, и он еще не видит ее, но скоро она окончательно проявится, и тогда он обернется, и его лицо непременно будет очень знакомым, хотя, конечно, никогда не виданным доселе. Впрочем, скорее всего не будет никакого лица, а будет намек на все то, что приносит радость и вызывает улыбку, и она, конечно, улыбнется, и тогда лицо, стряхнув наконец выражение настороженного ожидания, которое прячется в углах смеющихся глаз, станет таким, каким ему захочется, а голос с лукавой картавинкой произнесет то самое одно слово, которое только и имеет значение в месте, где начинаются и кончаются любые дороги:

- Здравствуй.

Бельтан

...Бунтует всесильная, проснувшаяся земля. Безумие и сладость не подвластной никаким ограничениям жизни, выломавшейся на свободу из тщательно выстроенных стен разума.... Плоть торжествует победу над духом, дух оплодотворяет плоть в неистовом желании породить новую жизнь.... Ночь костров и факелов, ночь лишения девственности, ночь раскрывшихся и осуществленных сокровенных желаний для людей и всего мира...

....Бесполезно. Безнадёжно. Останься здесь, наедине с болью, рвущей на части тело, или иди в лес, припади к влажной, прохладной земле, войди в неё сонной и неотъемлимой частью – но не иди туда, где снова будет опустошающий, оглушающий ураган ощущений и красок, мир, строящийся в его руках, мир, который он, смеясь, сбросит вниз, во влажную темноту подступающей ночи, а твоя плоть устремится вслед, и последним усилием воли ты вернёшь мускулы лица в исходное положение, светская улыбка и голос, не дрожащий биением нездешних, невыносимо увлекающих сил, слово за слово, тело останется покорно приказам сознания, только не подходить ближе, не подвергать себя искушению броситься в ноги и ждать прикосновения, как осеняющей благодати Богов... Скрутить желание в тугой плетёный жгут, где-то в районе диафрагмы, опять не время, не место, но почему же не место, если это так рвётся из глаз, из рук, переплетая мир единым потоком Силы, каждое биение этой жизни – последнее, понимаешь ты, его не будет больше – никогда, еще одна искра пламени погаснет, не запалив пожара, не вырвавшись на волю из-под поникающих в усталой безнадёжности черных стен...

....Полная опустошенность – в сознании, бессилие воли, оплывающее тело соприкасается с миром тяжелыми маслянистыми полосами... Ярое пение жизни во всех трепещущих жилах снова потушено, заглушено, распято, черным крестом расплывается по матово-белой поверхности стен... В крови снова погасли нетерпеливые взвихривания солнечной влаги, мощно и властно зовущей силы. Сила прошла, окрылила, раскрыла навстречу миру и усилием воли опять изгнана вон – в дальние тайники как прежде осмысленного сознания...

Вождь в черной коже, с волосами, упавшими на лицо, почему же вновь я отлучена от принятия твоей яростной воли, глухо нарастающей в груди, как голос твой, когда предстаешь перед лицом Сил... Там, в самом сердце твоей силы и мира, хочу я стать тобой, навсегда впитав запах твоих пряных трав и седого мха, с корнями древ твоих, прорастающих беспомощное тело, тяжесть черных рук, кровь на губах с восторгом принимая раскрывающейся щедростью проснувшейся жизни... Кровь на губах, яростный клубок сплетенных тел, время, остановившееся во вращающемся круге мрачного пламени, что рвется из глаз Хозяина, мир, распавшийся и вновь нашедший точку опоры...

Боги, о Боги, за что дана мне власть чувствовать в себе эту силу, способную возродить Землю на месте вечного Хаоса – и этот вечно длящийся кошмар со слезами бессилия на глазах вновь и вновь провожать просыпающийся и длинно, страшно оплывающий в туманное ничто мир: буду ли тем, чем рекли мне, тогда, давно, когда день еще был солнечным, а время – лучшим, беспечным и радостным союзником?..

(Из описания практик дыхания)

Вы неподвижны и подвижны одновременно, вы - корень любого роста и сам рост... Вы тянетесь вверх, расправляя все до последней мышцы, и в то же время остаетесь неподвижны, как неподвижно то, что просто не может двигаться.... Вы не просто расслабляете свои мышцы - вы не в состоянии их напрячь, все части вашего тела так тяжелы, как будто они сплывались с землей, на которой вы лежите, и поднимать их - значит ощутить тяжесть всей земли...

Вы - и основа, и составная часть всего сущего, из вас прорастает к небу трава, вашу грудь продавливает тяжесть шагов разных живых существ, вы едины и всеобщы, вы - часть тех людей, что сейчас находятся вокруг вас, в вас входит и из вас выходит их дыхание, вы вливаете ярь в их кровь и марью цепените их руки и ноги, дабы помочь им расслабиться...

... На медленном выдохе, выбрасывая из себя всю силу, которую секунду назад вобрали в себя от земли, попытайтесь ощутить эту выходящую из себя силу как очень низкий звук, рождающийся не в горле, а где-то в районе солнечного сплетения... Ощутите этот звук во всей его упругости как плотный шар из теплого живого материала. Потом придайте ему шероховатость, ощутите неопределенность его формы... Легонько подтолкните его и прокатите вверх и вниз по всему телу, ощущая, как тембр звука очищается и становится выше. Попробуйте опустить ощущение звука как можно глубже в тело и одновременно поднять его как можно выше; когда ваше тело зарезонирует вслед за звуком, постепенно ускоряйте ритм дыхания, пока не ощутите его во всем теле, особенно в области зарода. Теперь тем же местом, что вы ощущали звук, ощутите силу яри, вливающуюся в вас от земли и вызывающую самопроизвольное сокращение мышц живота. Поднимайте уровень ощущения энергии до почти что конвульсивного состояния; сейчас вы одновременно оплодотворяете землю и оплодотворяетесь ею, давая рождение чему-то, похожему на светлый выдох звенящей энергии, и одновременно рождаясь вместе с ним... полностью перестав дышать, на мгновение растворитесь в том пространстве радостного звона, которое сами же создали вокруг себя.

Вернитесь к очень редкому и глубокому дыханию, постепенно умирая вместе с умиранием звука, от зарода поднимающегося вверх, к родничку, и воссоединяющемся с космическими звуками Земли...

Напрягая не мышцы, а одно лишь собственное представление о них, приподнимитесь над землей всей поверхностью тела, ощутите свое парение над ней, ощутите ее мягкость, затем тяжело расслабьтесь, до самого конца, встретьте тяжесть и твердость земли, слейтесь с ней, ощущая при этом свою отделенность...

Купала

Буйство и дикость бунтовавшей девственной энергии, пролившейся на землю в ночь Бельтана, в виде зарода погружается в землю, медленно созревая в окружении расползающейся по собственным логовам, норам и гнездам жизни... Момент вынашивания плода, равно близкий к смерти и жизни, точка существования и максимальной близости обоих начал, противоположная Коляде, где оба начала представлены только в потенциале... Земля, как беременная женщина, ленива и благостна...

...Если любишь - забудь,
Если веришь - забудь,
Если хочешь - желай:
Пряный запах нездешнего неба
Вдыхай
Трепещущей грудью
И возликуй: пред тобою
Опять открывается путь..

* * *

Скоро рассвет.
Неужто
Время бежит
Так скоро;
День настаёт,
И лучше
Тихих не длить нам сборов...

В пламени свечи - взгляд печальных глаз,
Бледный лунный луч в зареве погас
Утра;
Светится листва радостных берёз,
По сырым камням - дальний стук колёс
Смутно...

Время круги
Сместились;
Ветра пути
Сомкнутся;
Ярью налились жилы;
Радостно, полной грудью

Допьяна вдохни солнечный простор -
Под копыта конь бросит сонный дол
Росный;
Жизнь да смерть в один запаялись круг;
Разметалась марь ворожащих рук -
Поздно...

То, что должна -
Простила,

То, что беру -
Навечно;
Время пришло, и с силой
В грудь ударяет встречный

Ветер - перезвон радужных огней;
Впредь не будет слов; в голове моей
Лето;
И зелёным льдом в ласковых руках
Вспойт Тот, Что Есть, коня на Холмах
Света...

Перун (Громовник), Лугнаса

...Гневный, матерый грозовой огонь мечется между небом и землей в бессмысленной ярости, первом предчувствии слабеющей силы. Земля, родившая и вскормившая свой плод, безразлично, лениво отдается буйству темного пламени; в мрачном скоплении грозowych туч еще только угадывается приближающийся порыв первого штормового ветра...

* * *

На берегу Дона
Бьётся огонь, светел.
Дева лесов тёмных
Стонет – зовёт Ветер.

Мечется, вод чистых
Вторя – внемля зову;
Бьются в глазах искры
Пламени иного.

По берегам светлым
Сосны, как смоль, чёрны;
Дева – Дитя Ветра:
Суши твои корни,

Хилы твои ветви – отчего дар крова...
Только ветра – ветры внемлют твоему зову.

- Только ветра – ветры:
Прочему не верю.
Лунная ночь – светлый
Звёздный клинок в теле...

Звёздная сталь – в крови –
Капли смолы с пеплом...
Огненный дар хвои:
Той, что шумит ветром.

За-полночь день льётся;
Замертво ночь стынет...
Дева кричит – бьётся:
Ветер в её жилах.

Бьётся – кричит – воет,
Просты власа треплет...

- Пусть на пути – двое:
Имя им дай, Ветре!

Пусть на пути – двое:
Даждь бог дорог – станем
С ветром лететь – вволю
Полям – травой пьяны...

Волчьей стезей, Ветре,
Волчьей стезёй в полночь
Душу веди эту –
Тропы учи помнить...

Волчьи глаза, Ветре,
Дай той душе тёмной;
Боли чужой недра
Видеть – хранить – помнить...

Волчьей душой, чёрной,
Стонущей во мраке
Учится пусть помнить,
Видеть – хранить знаки.

Путь одинок; морок
Смерти зальдил Землю.
Путь одному – долог;
Встрече дорог – верю!

Верю теплу плоти,
Верю добру взгляда;
Помню еще: вроде
Можно идти – рядом...

- Ярости дай волчьей,
Холод убей лдяный;
Путь положи – ночью:
Пусть без меня – рано...

Пусть без меня – рано:
Завтра взойдёт солнце.
Тёплой рукой – раны в сердце прикоснётся.

Тёплой рукой – крови ток устремит алой...

Дева кричит – стонет:
Неба да звёзд – мало:
Мало душе буйных
Трав да дорог росных;

Как одинок сумрак...
Как высоки звёзды...

Бьётся огонь – праздник
Дикий, как лес ночью.
Дева лежит – навзничь:
Ласка огня в клочья

Тень разорвёт света;
Ночи сомкнёт полог...
Ей уходить – в лето:

Путь одинок, долог.

Путь одинок – вечно;
Вере в ветрах сгинуть...
Ветер всегда – встречный;
Болью – всегда в спину.

- Волчьей глава, Ветер –
Руны читать боли.
Пусть же хоть раз – встретят этот рассвет двое...

Мне ты давно, Ветер,
Путь проложил в смерти;
Живы моей силу
Влей ты в его жилы!

В сердце его болью
Пусть мой огонь тлеет;
Жаром моей крови
Руки его греют...

Время пришло... Смойте,
Воды, туман белый.
В радужный круг Солнца
Вплавьте мое тело.

- Кровь отдала – до капли;
Сердца редки биенья...
По-над огнём – не встать ли
Светлой прозрачной тенью?

В мари ночной разлиться,
В призрачной дымке лета...
Пусть же хоть в нём – родится
Слово добра и света!

- Кровью моей заклятый,
Болью моей подкован,
Зри же, учись, проклятый,
Тропам тепла живого.

Зри, узнавай, проклятый,
Сердца пути иные.
Спаяно Коло; свято
Слово моё – и имя...

Свято пролитой кровью,
Спаяно ветром в поле.
Глаз моих сумрак новый
Помни, проклятый, помни.

Помни, живи, рассветной

Дрожи в крови не пряча...
Будь тебе сила – с ветром,
Глаз моих взгляд незрячих.

Доброго утра – с Ветром
В путь ухожу далёкий.
Счастья, Добра и Света
Людам – Тебе – Дороге...

Таусень, Осеннее Равноденствие

Вода, воздух, земля - все застыло в последней, мучительной попытке остановить время, продлить уходящий миг солнечного покоя... В распахнутую по-над гранью миров дверь, не оглядываясь, один за другим уходят Боги, оставляя мир во власти зимней Мари и леденящей мудрости Вещего...

...Дивная сказка – ой, да ветер играет в листве,
Весел и ласков, мягко стелится под ноги мне;
В Сердце Покоя, всё в мозаике солнечных дней,
Русло иное показал мне Владыка Теней.

Матушка-мати, обернувшись, взмахнула рукой,
Солнышко рядит Жизнь живую в звенящий покой,
Тёплую тенью тлеет – греет на Той стороне,
Сонное Время, потянувшись, застыло во мне...

Шагом неспешным по-над краем недолго шагать,
В мир бесконечный пробирается Холод опять,
Ты ж для проклятой, той алкавшей Покоя души,
Матушка-мати, златотканый свой свод удержи.

Тропы мощёны опадающей живью ветвей,
Снова знакомо сладко-пьяно головке моей,
Солнцем прозрачным заплетает – искрит ясный взгляд,
Кровью горячей заливаются руки – дрожат.

Вновь, понемногу, по-над краем иду, не спеша,
Сколь же, о Боги, гибкой ивою ветром дрожать,
Кров одинокий златой нитью сплетённых ветвей
Теплить, о Боги, той ли песней – Любовью моей?

Сколь же, о Боги – но боюсь я услышать ответ,
К Дому с Дороги тороплюсь не одну сотню лет,
Домом зову я беспокойную ярую синь;
Где же найду я свод бревенчат, что с Небом един?...

Навзничь – на землю – ощутить трепетанье корней,
Плечи согреет златотканая ласка ветвей;
Матушка – мати, я рукою сжимаю твою,
Шагом единым вдаль, за грань, проникаю – пою...

Самайн

Мир, прогруженный в пучину колдовской, мрачной трансформации; двери между мирами, распахнутые настезь, ледяные порывы нездешнего ветра, доносящие безумные, дикие голоса; что-то неведомое, неназванное, нечеловеческое бродит по самым кромкам сознания, погружая его в бушующую ледяную темноту... Снежный покров, милосердно выброшенный Мареной, не успел скрепить как следует бушующие силы магических основ земли; тени предков, покоящихся в благостной тишине, возвращаются в мир, чтобы сплестись в дикой колдовской, лунной магической пояске с обезумевшими от страха потомками...

....Запах подмокших прелых листьев, такой сытный, что, кажется, нельзя слишком долго и глубоко вдыхать его, трепещет радостным ожиданием.... Серый бетон, потёки тусклых красок на стенах не мешают, мир слишком благостен и нетерпелив, чтобы ему помешать, тяжелые лапы слегка по-медвежьи, вразвалочку, цокают когтями по бетону, а потом внизу, на сырой земле, походка понемногу становится мягче; в такую ночь беспокойно спится в клетке, желтые глаза с вертикальными чёрными полосками зрачков взблёскивают влажным огнём, но сегодня, слава Богам, клетки нет, нет и беспокойства, только сосущее нетерпение, взволнованная радость, с которой проминается под лапами земля знакомых троп; так-то вот, ни один изгиб не забыт, в каждом повороте столь же чарующего волшебства, что и прежде, ветви приветственно и влажно склоняются навстречу, осеня мохнатый лоб первыми прозрачными каплями...

На границе леса замереть, на миг ощутив знакомое трепетанье в груди; окоём ласковых желтых огней и город, живущий своей жизнью – как-то никто из них не может понять, что такое этот её Город, что он - сам по себе, что он – тёплый и дружелюбно тычется в плечо, как мохнатый пёс, заглядывает из-под руки туда, в тёмную влажную глубину леса; они всегда были в дружбе, этот Лес и этот Город, мы-то с тобой знаем, они помнят нас с тех самых пор, когда наши лапы еще не умели втягивать когти... Камень за спиной холодит ощущением уютной близости, той, что не предаёт, и каждое слово здесь звучит, как заклинание

Здравствуй Мир

...как жаль, что ты не со мной...

Влажной темнотой зовущего Пути

...как жаль, что нельзя смотреть туда, вглубь, вместе...

Закляни этот миг на вечное трепетное ожидание, возьми меня в Круг оживающей Силы, в безмолвных вихрях белых огней

...прости меня, я так и не научилась говорить, я обещала, но не научилась идти вместе, почему ты не слышишь слов, произнесённых про себя, ты, такой невербальный, так мало осталось времени, скорее...

Поглоти мое отупевшее болью тело, обейми меня мягким прикосновением влажной Земли, ближе, еще ближе, в крови закипает безудержный ярый Огонь, радость, все чёрные зияющие провалы стонущей памяти затягиваются золотой паутиной

...где же ты, до последнего мгновения ожидаю лёгкой покалывающей боли, с которой кожа отзовется на прикосновение – точное и хрупкое, почти сплетенное с объятием мира, но все же – все же – оживляющее его своей отдельной жизнью, назвавшей себя по Имени...

Кружи, Вихрь, падите, Своды, раздайся, Земля, взвейся огненной спиралью, призываю тебя, Ветер

...можно быть рядом, но не ближе, чем кожа... Дальше, много дальше, кожа горит ощущением, которое постепенно переходит в неистовую боль, не свершившееся, недоговоренное, незавершённое касание

Всё молча!! Глаза закрыты, тело неподвижно, только в голове молотом стучат слова, которых НИКТО НЕ СЛЫШИТ

долго

Пожалуйста!!!

ДОЛГО ТЯНЕТСЯ РУКА, ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ, НЕ ПОНИМАЯ, ЧЕГО ОТ НЕЁ ХОТЯТ

ПРОСНИСЬ!!!!!!!!!!!!

поздно, не успеть

С УТРА ШЁЛ

СНЕГ!!!!!!!!

Взорвавшийся вихрь взвился и опал тяжёлыми мягкими холодными хлопьями. Долгий сон, ПОКОЙ И СМЕРТЬ утомлённой земле. Ниже, ниже, ниже, голова клонится усталостью, жизнь смерзается в единое цельное прохладное покрывало

Чтобы построить дом, нужно разрушить его?...

Чтобы обрести жизнь, нужно отпустить её?...

Я улыбаюсь НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ, МЕДЛЕННО ОПУСКАЮЩЕЙСЯ НА ПЛЕЧИ...

Йоль, Коляда

Застывший, замерший в ледяном забвении, успокоенный мир – тень бывшего мира, по просторам которого, не встречая сопротивления, бродит лихая нечисть, осмелевшие толпы призрачной нелюди кольцом окружают дома, где в последнем усилии сплотившегося круга родичей и соратников, Хозяин теплит в очаге последние язычки умирающего огня... Голос Вещего звучит где-то на пределе сознания, предвещающая скорое возвращение солнца, но не услышать слов за завыванием беспутной нежити... Огонь, что должен догореть до утра – до восхода солнца...

...Что такое холод – некое состояние Земли или просто отсутствие тепла? Что такое Смерть – трансформационный переход или просто отсутствие Жизни? Что есть любовь – движение сил или просто вечная борьба против охлаждающего безразличного забвения?...

Тепло можно обрести, просто разведя огонь или в небольшом замкнутом пространстве сплетя десяток живых человеческих тел. Жизнь можно ощутить, опустившись на землю и всмотревшись в микромир вечно снующих, неповторимых мельчайших существ. Как обрести, как остановить уходящую любовь, что, как морозные рисунки на окнах, застывает прекрасными линиями ледяной воды в остывающем сердце?...

Я открыла сегодня все двери и окна в этом доме, чтобы впустить сюда холод. Я включила весь свет, это лживое мерцание желтоватых круглых шаров мертвого огня. Я сделала так, что Молчание и Одиночество встали за нашим плечом въяве, я не могла больше ждать, когда оно решит случиться само, и я ждала, что ты придешь и рассеешь сгущающееся ощущение наплывающего безразличия, но ты растворился в нем, как будто именно здесь, наконец, обрел свой дом. С миром Земли, приближающейся к точке вечного покоя, могла ли я рассчитывать на то, чтобы сберечь искру трепещущей Жизни?

Смерть не страшна, ибо является всего лишь переходом. Страшно замереть вместе с заснувшим миром, обратившись в НЕЖИВОЕ, нечто, чему изначально не присуща Жизнь. Страшно поверить в то, что Солнца не было и не будет никогда, что все, что было с нами – даже не сон, а краткий миг пробуждения от одного Холода к другому. Необъяснимая игра Мира, блеск радужных паутинок на ресницах глаз, открывающихся навстречу вечности, которая всегда была и которой никогда не было...

Мой дом, стены и крыша, мой Род и мои Боги – были ли они когда-либо в действительности, ушли ли они, оставив мир осиротелым, вернуться ли когда-нибудь – все это уже не имеет значения, потеряв свой смысл в ледящем неподвижном круге высшей магической силы – силы Неживого...

СИМ РАЗОМКНЕМ ВРАТА, СВЯЗЫВАЮЩИЕ МИРЫ, И ВЫПУСТИМ НА СВОБОДУ ДУШУ УХОДЯЩЕГО ГОДА...

...Над потерявшейся, смерзшейся, утратившей веру землей разгорается первый луч чистой, как застывшие капли росы, первой зимней зори...

Велесов день, Имболк, Нового Года

* * *

...На границе света и тьмы
чёрным пятном –
Угли потухшего дня
дымятся.
Ночь и дорога –
Всё начинается вновь;
Будто из центра Земли,
Кости-столбы
вылезли, сонно оскалась;
Призрачной тенью - истлевшая ткань
древнего знамени;
Мёртвого капища неукротимый, живой
дух...

...

...В сумрачный полдень
гневного Солнца, когда, выжигая, стирая в прах
Немощь и боль, по миру идёт –
Ярилой ведомый, мятежный огонь,
В стенах древнего капища, в сени столбов
Кровью скреплен союз
Белой Волчицы с Чёрным Котом.
Смерть за плечом, объята Земля
Смертью; спереди, сзади путь перекрыт;
От возвращенья закляты очи, что слепо глядят
В ночь;

От сонного логова, яркими искрами солнца согретого,
Шёлковых трав,
Бархатных лапок, ступающих внове по свежей Земле,
Нежностью матери сотканной сени тепла и уюта –
Пепла и то не осталось.
Развеян по ветру, последнюю горсть
Вырвал из рук, сжатых в агонии боли...

Снова, игрист и юн,
Горлом хрипящим бьётся родник
Девственной крови...
Белой Волчицей с Чёрным Котом
Заклят и чист,
В сумрак уходит
Путь...